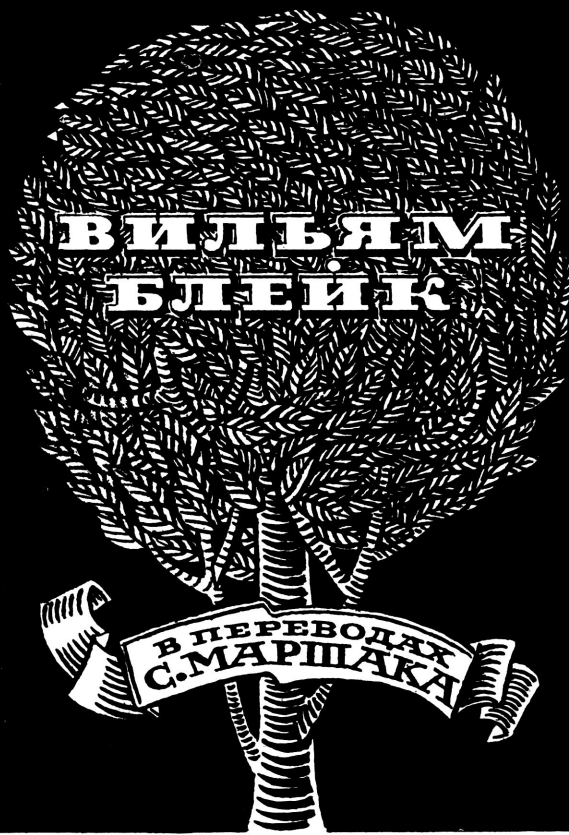

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК

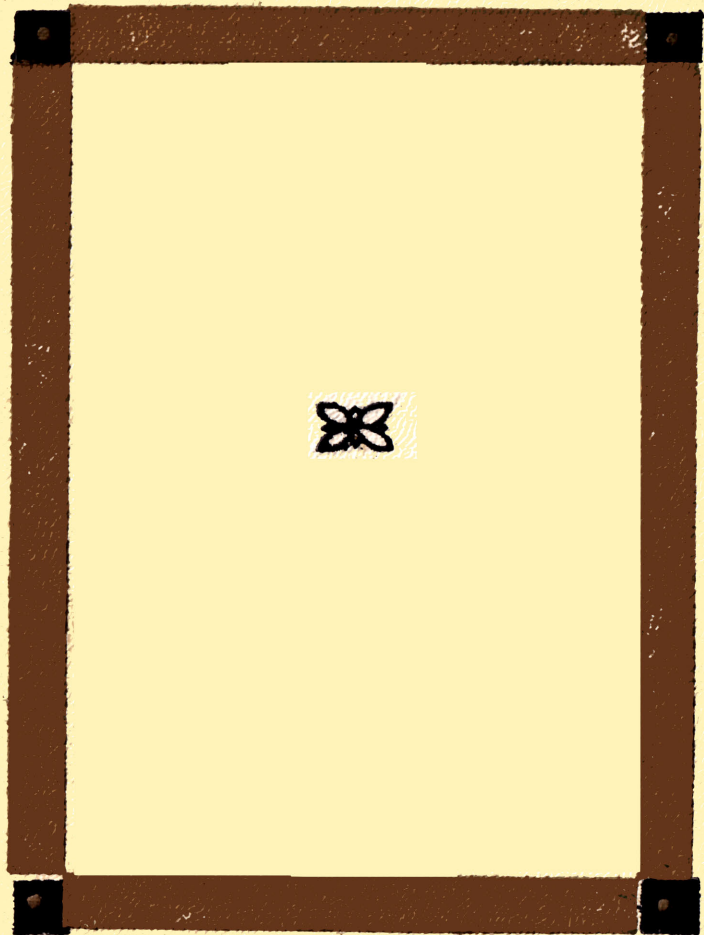
ВИЛЬЯМ
БЛЕЙК

В ПЕРЕВОДАХ
С. МАРШАКА

ВІСНИК НАУК

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1965**

**ВИЛЬЯМ
БЛЕЙК**

И(Англ)

Б68

**Предисловие
В. ЖИРМУНСКОГО**

**Художник
Г. КЛОДТ**

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК

(1757—1827)

Имя замечательного английского поэта и художника Вильяма Блейка стало известно широким кругам советских читателей в основном с 1957 года, когда Международный Совет Мира постановил отметить юбилеем двухсотлетие со дня его рождения. В этом и в следующих годах в нашей периодической печати («Иностранная литература», «Новый мир», «Литературная газета», «Огонек») появился ряд переводов из Блейка Самуила Яковлевича Маршака, из которых часть (14 номеров) была перепечатана в томе III собрания его сочинений

(1959). Появились статьи и книги об английском поэте¹.

Имя Блейка было почти неизвестно и его английским современникам. Уроженец Лондона, по профессии гравёр, он прожил свою жизнь на грани бедности, зарабатывая свой хлеб выполнением очередных заказов, которые доставляли ему время от времени его немногочисленные друзья и покровители. Картины Блейка при жизни почти не выставлялись, а когда выставлялись — проходили незамеченными. За невозможностью найти издателя для своих поэтических книг, он сам гравировал на меди их текст и иллюстрации к нему с помощью особой, изобретенной им для этого техники («выпуклый офорт»). Немногочисленные экземпляры, раскрашенные им от руки, он продавал за бесценок тем же своим друзьям и почитателям; теперь они являются редким достоянием художественных музеев и частных коллекций и ценятся на вес зо-

¹ Вышла в свет брошюра А. А. Елистратовой «Вильям Блейк» (изд-во «Знание», 1957) и обширная глава в книге того же автора «Наследие английского романтизма и современность» (изд-во Академии наук СССР, 1960), брошюра Е. А. Некрасовой о Блейке-художнике (изд-во «Искусство», 1960), в дальнейшем расширенная в книгу «Творчество Вильяма Блейка» (изд-во Московского университета, 1962). Им предшествовала в советском литературоведении только интересная и содержательная глава о Блейке в академической «Истории английской литературы», т. 1, вып. 2, М. 1945, написанная погибшим во время войны молодым ленинградским литературоведом М. Н. Гутнером, которая впервые наметила новое понимание творчества Блейка, подтвержденное в дальнейшем нашей критикой.

лота. Как поэт Блейк фактически стоял вне литературы своего времени. Когда он умер, его похоронили на общественные средства в безымянной общей могиле. Теперь его бюст поставлен в Вестминстерском аббатстве рядом с памятниками крупнейших поэтов Англии.

«Открытие» Блейка произошло во второй половине XIX века, а в XX веке его творчество, получившее всеобщее признание, заняло по праву выдающееся место в богатом наследии английской поэзии.

Первым собирателем, издателем и сочувственным интерпретатором творчества Блейка явился глава английских «прерафаэлитов» Данте Габриель Россетти, как и Блейк — поэт и художник. Россетти посчастливилось приобрести обширную коллекцию неизданных рукописей и гравюр Блейка, с которой и началось знакомство с его творчеством. При непосредственном участии Данте Габриеля и его младшего брата, критика Вильяма Майкеля Россетти, была издана первая двухтомная биография Блейка, пространное житие «великого незнакомца», написанное Александром Гилькристом (1863), представлявшее одновременно и первую публикацию некоторой части его поэтического и художественного наследия. Вслед за Россетти его ученик, молодой тогда поэт А. Ч. Суинберн, ставший позднее одним из основоположников английского символизма.

посвятил Блейку книгу, восторженную и благоговейную (1868). Культ Блейка получил дальнейшее развитие в кругу английских символистов: о нем писали критик Артур Саймонс и англо-ирландский поэт У.-Б. Йетс, дважды печатавший сочинения Блейка в большом трехтомном издании (1893) и в маленьком популярном, получившем широкое распространение и несколько раз переиздававшемся. Этими почитателями и толкователями Блейк был объявлен «предшественником символизма». Соответственно этому и в настоящее время господствующее направление английской и американской критики рассматривает Блейка прежде всего как мистика и символиста.

С этой точки зрения к Блейку подошли и его первые русские ценители, принадлежавшие к тому же литературному лагерю. В статьях Зинаиды Венгеровой («Литературные характеристики», 1897) и К. Бальмонта («Горные вершины», 1904) Блейк рассматривается как поэт-символист и «родоначальник английского символизма». Бальмонту принадлежат и первые переводы стихотворений Блейка (в его книге «Из чужеземных поэтов», 1908), растворяющие, как для него обычно, строгое искусство английского оригинала в бесформенной лирической эмоциональности переводчика.

Между тем на самом деле, как убедительно показала современная передовая критика в Англии и

Америке (работы Броновского, Эрдмана, Мортон, Аннеты Рубинстейн и др.), мистик и «духовидец» Блейк был в то же время по своему общественному мировоззрению гуманистом и человеколюбом с широкими демократическими симпатиями, пламенным обличителем социального зла и несправедливости. Хотя Блейк, подобно своим поздним современникам — английским романтикам, считал творческое воображение поэта-художника (Imagination) величайшей способностью человека, его собственная поэзия, порожденная огромным даром художественного воображения, никогда не была «искусством для искусства»: она полна глубокого морального и социального пафоса, имеет своеобразную общественную тенденцию, воплощенную, однако, в лирически насыщенных образах, а не в абстрактных дидактических рассуждениях. Сквозь нежную поэтическую ткань его «песен», как и сквозь мифологическую тематику его «пророческих книг», просвечивает в художественно сублимированной форме современное и глубоко актуальное общественное содержание. Несмотря на то что при жизни его знали немногие, Блейк вовсе не смотрел на себя как на поэта для немногих; напротив, он чувствовал себя носителем высокой миссии, обращенной ко всему человечеству. Об этой миссии он писал: «Каждый честный человек — пророк; он высказывает свое мнение об общественных и частных делах.

Он говорит: «Если вы поступите так-то, результат будет такой-то». Он никогда не скажет: «Как бы вы ни поступали, все равно то-то и то-то произойдет».

Биография Блейка не богата внешне примечательными событиями. Он родился и прожил всю свою жизнь в Лондоне. Отец его был мелкий продавец галантерейных товаров («чулочник»), человек небогатый и многосемейный, сектант («диссентер»), увлекавшийся, по-видимому, проповедью обосновавшегося в Лондоне шведского мистика Сведенборга. Среди широких демократических низов лондонской мелкой буржуазии в XVIII веке еще живы были традиции левых «еретических» сект времен английской революции, находившихся в оппозиции к господствующей церкви, государственному и общественному строю, одновременно мистических и революционных. В их учениях социальные утопии воплощались в библейские образы, получавшие мистическое истолкование. Просветительский рационализм и религиозный скептицизм рассматривались как выражение «светского духа» господствующих классов.

В этой атмосфере воспитался и молодой Блейк, и она определила своеобразие его духовного облика мистика-визионера и одновременно борца за социальную справедливость. Воспитанному на Библии

и на «пророческих» книгах, имевших хождение в этой среде, наделенному живым поэтическим воображением поэту с детских лет являлись «видения», в реальность которых он верил до конца жизни, заслужив себе славу безумца и чудака. Он не получил никакого систематического образования, но много и беспорядочно читал. С детских лет он был знаком с сочинениями мистиков Сведенборга и Якова Беме, с Платоном и неоплатониками (в английском переводе Тэйлора), но также с английской философией эпохи Просвещения, к которой относился с предубеждением; он читал Шекспира и в особенности Мильтона и увлекался в юности литературой английского «готического возрождения» XVIII века, поэзией Оссиана, Чаттертона и английских народных баллад; он знал латинских и итальянских поэтов — Вергилия, Овидия и Ариосто; уже взрослым он выучился греческому и древнееврейскому языкам, чтобы читать в оригинале Библию, а в конце жизни — итальянскому, чтобы лучше понять и иллюстрировать «Божественную комедию» Данте.

Творческие способности Блейка проявились очень рано. В возрасте десяти лет он стал учиться рисованию; около этого времени написаны его первые стихи. Четыре года спустя, по своему желанию, он был отдан в обучение к граверу Безайру, опытному, но посредственному мастеру, у которого он

проработал восемь лет как подмастерье. По поручению своего учителя и хозяина он делал для него зарисовки старинных готических надгробных памятников Вестминстерского аббатства и других лондонских церквей. «Готическая форма — живая форма», — писал позднее Блейк. Готика, гравюры Дюрера и творения Микеланджело были теми художественными образцами, которые определили основу оригинального стиля Блейка как гравера. Эта профессия служила в дальнейшем основным источником его существования. Помимо множества мелких и случайных работ, он выполнил большие циклы иллюстраций к сочинениям английских поэтов XVIII века — «Ночным думам» Юнга и «Могиле» Блейра, иллюстрировал эклоги Вергилия, «Книгу Иова» и «Божественную комедию» Данте. Заказы эти обычно плохо оплачивались. Не раз издатели-коммерсанты обманывали доверчивого художника, поручая более модному профессионалу гравировать сделанные им рисунки или отбирая из них для воспроизведения лишь небольшую часть. Оригинальные по замыслу и композиции, необычайные по выразительности и силе, художественные произведения Блейка не были замечены современниками и получили признание, как и его поэзия, лишь в новейшее время.

По установившимся в Англии XVIII века общественным предассудкам профессия гравера рас-

сматривалась не как «высокое искусство», а как простое ремесло. Этим определилось и социальное положение Блейка как художника-гравера. Его попытка, по окончании обучения у Безайра, поступить в школу живописи при Королевской Академии художеств окончилась неудачно. Передают, что президент Академии художеств, знаменитый Рейнольдс, посмотрев опыты Блейка, посоветовал ему «работать менее экстравагантно и более просто» и исправить ошибки в рисунке. Блейку были глубоко чужды парадность и пышная красивость английского академического классицизма. Прославленный портретист стал для него с тех пор типическим представителем и главой этого официально поощряемого искусства, глубоко враждебного идеалам Блейка не только в художественном, но и в социальном отношении. Об этом свидетельствуют его гневные «маргиналии» к статьям Рейнольдса об искусстве (1808), в которых он обличает «общество, составляющее цвет английской аристократии и дворянства, допускающее, чтобы художник умирал с голоду, если он поддерживает то, что они сами, под предлогом «поддержки», всячески стараются подавить». «В Англии спрашивают не о том, имеются ли у человека способности или гений, но является ли он пассивным, вежливым и добродетельным ослом и подчиняется ли мнению дворянства об искусстве и литературе. Если да — его считают

хорошим человеком, если нет — пускай умирает с голоду!»

В 1782 году Блейк женился на Катерине Боучер, простой неграмотной девушке, дочери садовника, которую он научил читать и писать и помогать ему в работе гравера. Она была его верным спутником на протяжении всей его жизни, поклонялась ему и искренне верила в его видения и пророческое призвание, терпеливо перенося вместе с ним его бедность и все тяготы его трудного существования.

Уже в эти ранние годы отчетливо проявились демократические симпатии Блейка. Когда летом 1780 года в Лондоне вспыхнули мятежи, его видели в многочисленной толпе, штурмовавшей ворота Ньюгетской тюрьмы и выпустившей на свободу заключенных.

В 1789 году Блейк радостно приветствовал начало революции во Франции. Рассказывают, что он появлялся на улицах Лондона в красном фригийском колпаке — символе революции и свободы. В 1790 году он сблизился с кружком передовых английских интеллигентов, радикалов-демократов, друзей французской революции и руководителей так называемого «Корреспондентского общества», пропагандистской организации «английских якобинцев». Кружок собирался в доме книготорговца и издателя Джозефа Джонсона, для которого

Блейк в то время работал как гравер. В числе этих людей был знаменитый химик Пристли, атеист и материалист, другой химик д-р Прайс, известный как республиканец, прогрессивный журналист Холькрофт, Вильям Годвин, проповедник утопического коммунизма, будущий автор «Политической справедливости» (1794), Мэри Уольстонкрафт, позднее жена Годвина, поборница прав женщин, произведения которой Блейк иллюстрировал для Джонсона, наконец, американский революционер Томас Пэйн, которому он помог бежать в Париж, догадавшись о грозившем ему аресте. В своих незаконченных пророческих книгах «Французская революция» (1791) и «Америка» (1793) Блейк прославляет американскую и английскую революцию как зарю освобождения человечества. От «Французской революции», героической поэмы в семи песнях, сохранился лишь экземпляр корректуры первой песни. Можно думать, что издатель Джонсон, испугавшись правительственных репрессий, рассыпал набор и отказался от ее дальнейшей публикации.

Действительно, такие репрессии вскоре последовали, в особенности с того момента, когда Англия возглавила реакционную коалицию европейских держав, направленную против революционной Франции. «Корреспондентское общество» было запрещено, многие из его членов в разное время

арестованы. Последовали жестокие цензурные запреты, направленные против «мятежных книг», и суровые преследования их авторов и издателей. Страх правящих классов перед возможностью народных волнений и шпионажа и диверсией со стороны тайных сторонников революционной Франции принял поистине маниакальный характер, в особенности в первые годы XIX века, когда угроза нашествия Наполеона придала «мятежным» мыслям и поступкам характер государственной измены.

В 1803—1804 годах Блейк тоже подвергся судебному преследованию по обвинению в «мятежных» словах и действиях — по доносу одного пьяного солдата, с которым он вступил в перебранку. Солдат показал, что Блейк поносил короля и английскую армию и что он занимался зарисовками вблизи морского берега. Процесс этот, несмотря на его анекдотический характер, мог грозить обвиняемому очень серьезными последствиями, однако поэт был оправдан присяжными за полным отсутствием улик.

В 1809 году, еще раз отвергнутый Академией, Блейк предпринял отчаянную попытку устроить персональную выставку, развесив в лавке своего брата небольшое число рисунков и акварелей. Эту выставку он сопровождал необычным по содержанию каталогом, излагавшим в афористической форме аллегорический смысл его картин и его

взгляды на задачи искусства. «Времена требуют,— писал Блейк в этом каталоге,— чтобы каждый высказался смело, Англия ждет, что каждый выполнит свой долг в Искусствах, как в Армии и в Сенате». Объясняя резко полемический тон своих высказываний о господствующем в английской живописи направлении, он признавался: «Чувство негодования за нанесенные мне оскорбления сыграло некоторую роль в этом публичном обращении, но любовь к моему Искусству и усердие к Родине — гораздо большую». Однако выставка также не вызвала никакого интереса. Рецензия на нее появилась только в либеральном журнале «Экзаминер»; ее автором был, по-видимому, публицист и критик Роберт Хент, один из издателей журнала. Он называл художника «несчастливым сумасшедшим, которого можно оставлять на свободе только по причине его безвредности». Это была единственная рецензия, которой при жизни удостоился Блейк.

Поэты и критики романтического лагеря, значительно более молодые, чем Блейк,— Вордсворт, Кольридж, Чарльз Лэм,— слышали о его существовании и даже посещали его, привлеченные любопытством. Но они смотрели на него как на «духовидца» и чудака; никто из них, по-видимому, не был знаком с его поэзией, которая в своих тенденциях нередко перекликалась с их собственным творчеством. Ближе всего к Блейку по своим

философским и социально-политическим идеям был Шелли — и как лирик и как автор «пророческих» (в смысле Блейка) социальных утопий («Лаон и Цитна», «Освобожденный Прометей»). Однако Шелли в то время разделял безвестность своего старшего собрата: они ничего не знали друг о друге, и между ними лежало целое поколение.

Восемь лет, последовавших за неудачной выставкой, были для Блейка самыми тяжелыми. Покинутый немногочисленными друзьями молодости, он жил почти в одиночестве, стойко, как всегда, перенося бедность и лишения. «Я живу только чудом», — пишет он в одном письме. Лишь в последние годы жизни (1818—1827) он неожиданно нашел верных друзей и почитателей в группе молодых художников, по преимуществу граверов и акварелистов, настроенных, как и он, враждебно по отношению к господствующему академическому направлению английской живописи и признавших в нем своего учителя (Эдуард Кальверт, Сэмюэль Пальмер, Джон Варлей и др.). Старший из них, Джон Линнель, уже пользовавшийся некоторой известностью, сумел выхлопотать Блейку небольшое пособие от Академии художеств; ему же Блейк был обязан последними большими заказами — циклами иллюстраций к «Книге Иова» и к «Божественной комедии», которые представляют едва ли не самую замечательную часть его работы

как художника. Эти последние друзья Блейка, до известной степени предшественники английских «прерафаэлитов», передали Россетти и Гилькристу живой образ «Толкователя» (как они прозвали Блейка), благоговейные воспоминания о его «жизни» и многое из того, что сохранилось от его разбросанного и в то время неизвестного художественного и поэтического наследия.

Сочинения Блейка в настоящее время собраны полностью в научном издании Джеффри Кинса, неоднократно переиздававшемся с 1925 года, вместе с рукописными вариантами, прозаическими статьями и заметками (в большинстве — «маргиналиями» на страницах прочитанных книг) и собранием писем, вышедшим также отдельным изданием.

Поэзия в этом собрании представлена тремя группами произведений: лирикой, «пророческими книгами» и афоризмами.

Известно, что Блейк, в особенности в годы молодости, исполнял свои лирические песни в кругу друзей на сочиненные им самим мелодии — «необычные и прекрасные», по отзыву одного свидетеля. Мелодии эти до нас не дошли. Не получив никакого музыкального образования, он владел, по видимому, и этим творческим даром.

Первое собрание его стихотворений «Поэтические наброски» было издано его друзьями в

1783 году, но содержит произведения разного времени, в том числе написанные значительно раньше: песни, элегии, баллады, частью еще подражательные, частью свидетельствующие об уже сложившемся оригинальном даровании. Среди них выделяется баллада «Король Гвин», прославляющая восстание угнетенного народа против жестокого властителя. Незаконченная историческая драма «Эдуард III» в манере Шекспира, патриотическая и лиричная, в заключительной песне менестреля также прославляет свободу как героическое наследие Альбиона.

Книга Блейка не была замечена. Последующие он гравировал и распространял сам, как было сказано выше.

Лучшую и наиболее популярную часть поэтического наследия Блейка представляют две последующие книги — «Песни Невинности» (1789) и «Песни Опыта» (1793), в дальнейшем объединенные автором в одной книге. Оба цикла отличаются четкостью идейно-художественного замысла и композиции, кристальной ясностью и прозрачностью мыслей, образов и слов, в которых эмоциональная непосредственность, простота и музыкальность песни сочетаются с глубоким моральным и общественным содержанием.

«Песни Невинности» изображают светлый мир детства как бы сквозь призму младенческого

сознания, еще не искушенного жизненным опытом. Это своего рода ретроспективная утопия безгрешного и счастливого детства человечества, которая находит непосредственное музыкальное выражение в песне — «детской песне», «колыбельной песне», «песне няни», «смеющейся песне», «весенней песне», в песнях самого поэта. Счастье — это смеющийся невинный ребенок, и вместе с радостно резвящимися детьми смеется и радуется вся природа, слушая эти песни, — цветы, мотыльки и птицы, ягнята на зеленом лугу, охраняемые верным пастухом. Даже образы реальной нищеты и горя (маленький трубочист, черный мальчик, приютские дети, заблудившийся ребенок) не нарушают этой идиллии: страдание и горе как будто «снимаются» светлой атмосферой доброты и жалости, любви и человечности. Как маленький муравей, заблудившийся в траве, находит дорогу, следуя за светляком, так заблудившийся мальчик встречает заботливого отца, который за руку выводит его из ночного леса. Вера в провидение еще просвечивает через этот детский оптимизм.

«Песни Опыта» раскрывают картину морального и социального зла, разрушающего эту наивную идиллию. Не случайно между двумя сборниками лежат годы Французской революции (1789—1793), от первых невинных «весенних» надежд, которые связывал с нею поэт, до трагического опыта, обна-

жившего социальные противоречия не только во Франции, но и на родине поэта. Отсюда сознательное противопоставление этих двух сборников. Если символом «Песен Невинности» является белый и кроткий агнец, то огненный тигр, как и агнец, созданный рукой творца, выступает в «Песнях Опыта» как олицетворение зла, страшного и одновременно прекрасного в своей силе.

Но то же зло показано Блейком не только в обобщенном символическом изображении, но и в его реальном социальном аспекте: картины царящих в трущобах Лондона, на его «вольных улицах» нищеты, разврата и человеческого горя (стих. «Лондон») являются первыми по времени и по силе реалистического изображения в европейской поэзии нового времени, предвзято в сжатой и обобщающей поэтической форме изображение Лондона в социальных романах Диккенса.

Точно так же детские образы и темы «Песен Невинности» — маленький трубочист, приютские дети — возвращаются теперь в новом освещении, срывающем идиллический покров с реального социального зла. К ним по теме примыкают такие стихотворения, как «Маленький бродяжка», «Школьник» и др. Именно страдание невинных маленьких детей, этих «цветов столицы», их «голодный плач», их незаслуженные обиды и горе являются для Блейка (как позднее для Достоев-

ского) самым грозным обличением несправедливости современного общества и лживого лицемерия и жестокости его морали. Потому что:

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы,
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

Свои более поздние лирические стихотворения Блейк уже не издавал. «Песни разных лет» были собраны посмертно по его неизданным рукописям. Они относятся к разному времени (1793—1811) и значительно различаются по своему жанру и стилю. Среди них сохранились две баллады, несколько песен, напоминающих более ранние, и большое число эпиграмматических стихотворений на личные и общественные темы, не предназначавшихся для печати, часто очень острых и перекликающихся с большими циклами его афоризмов. Некоторые из этих поздних стихотворений не менее значительны, чем ранняя лирика: «Золотая часовня», «Песни дикого цветка», баллада «Мэри» и др.

В отличие от лирических стихотворений Блейка, создававшиеся одновременно с ними так называемые «пророческие книги» представляют причудливое смешение трудно понятных, растянутых

аллегорий с отдельными гениальными поэтическими прозрениями. Всего этих книг насчитывается десять. «Книга Тэль» (1789), «Тириель» (1789), «Видение дочерей Альбиона» (1793) имеют эпизодические темы; «Бракосочетание Неба и Ада» (1793) является своеобразным философско-поэтическим обобщением мировоззрения Блейка; незаконченные «Французская революция» (1791), «Америка» (1793) и отчасти «Европа» (1794) посвящены, как уже было сказано, современным политическим событиям; тогда как «Вала» (1797), «Мильтон» (1804—1808) и «Иерусалим» (1804—1820), вместе с примыкающими к ним «Книгой Юрайзен» (1794), «Книгой Лоса» (1795) и «Книгой Ахани» (1795), представляют различные версии и части грандиозной по своему объему мифологической эпопеи, охватывающей, по замыслу автора, как новый библейский эпос, судьбы мира и человечества от их сотворения через грехопадение и тысячелетия страданий до грядущего восстановления и освобождения, рисующегося воображению поэта как социальная утопия «Нового Иерусалима».

Эпопеи Блейка, пропитанные библейскими реминисценциями и образами античной и других древних мифологий, переосмысленными в духе его аллегорической теософии, в каком-то смысле примыкают к библейскому эпосу Мильтона, как исто-

рии «потерянного» и «возвращенного» рая. Мильтон, именем которого Блейк обозначил одну из своих последних «пророческих книг», был для него не только великим поэтом прошлого (хотя и о нем Блейк высказывался критически), но пророком религиозной и политической революции и в этом смысле образцом и учителем. Не случайно Блейк справедливо рассматривал образ Сатаны как центральный в «библейской» поэме Мильтона. В предисловии к книге «Бракосочетание Неба и Ада» он сказал очень глубокомысленно и, как обычно, парадоксально: «Причина того, что Мильтон писал в оковах, когда писал об ангелах и божестве, и свободно о дьяволах и аде, заключалась в том, что он был истинным поэтом и принадлежал к партии дьявола, сам того не сознавая». Принадлежать к «партии дьявола» означало для Блейка — бороться против существующего государства и общества и против официальной религии и церкви, оправдывающей их существование.

Белый стих, которым Блейк пользовался в своих поэмах, представляет своеобразную трансформацию белого стиха Мильтона: пятистопный ямб этого последнего, продолжающий традицию шекспировского белого стиха, растягивается у Блейка в семистопный, вернее в семиударный стих, поскольку число неударных слогов между ударениями не регулировано, но колеблется довольно сво-

бно, в особенности в более поздних поэмах. Звуковые повторы разного рода, обильные аллитерации и ассонансы внутри стиха, анафоры и другие словесные и синтаксические повторения, организуют ритм и определяют своеобразную гармонию и музыкальную выразительность этих вольных размеров, созданных самим Блейком и не имеющих не только precedентов в английской поэзии XVIII века, но и параллелей в эпоху романтизма. В некоторых отношениях стихосложение Блейка предвосхищает вольный стих Уота Уитмена и современных английских «верлибристов».

Мифологические аллегории, порожденные творческой фантазией Блейка, титанические образы мировых сил, населяющих созданный им Олимп, носят звучные имена, подсказанные частью библейскими, частью античными реминисценциями, частью Мильтоном и Оссианом. Было бы бесплодным занятием, вслед за некоторыми зарубежными почитателями Блейка, стараться разгадать и в точности определить рациональный смысл каждой из этих поэтических аллегорий. Но некоторые из них являются центральными и определяющими для его замысла. Это Юрайзен (Urizen) — библейский Иегова, или Юпатар античной мифологии, творец материального мира, подчиненного слепым законам механической необходимости, небесный и земной тиран, враг духовной свободы и порабо-

титель человечества, почитаемый всеми религиями, освящающими насиле и лицемерно проповедующими смирение,— чудовищный образ, сходный с Демогоргоном в «Освобожденном Прометее» Шелли; огненный Орк, дух мятежа, подобный Прометее, как он, прикованный к скале на вершине горного хребта; светлый Лос (анаграмма латинского Sol — солнце), воплощающий творческое воображение, в котором Блейк видел залог будущего восстановления освобожденного мира и человечества.

Вместе с тем, как всегда в поэзии Блейка, образы его поэтической фантазии имеют также реальное общественное содержание, мировое зло его аллегорической мифологии представляется в то же время и как реальное общественное зло. В сублимированной форме «пророческих книг» отражается глубокий социальный кризис, который переживала Англия в годы жизни Блейка: промышленный переворот, с его тяжелыми последствиями для трудящихся, нуждою загоняемых в фабрики, жестокие законы об «огораживании», общее бедственное положение и пауперизация широких народных масс. Этим современным содержанием автору «пророческих книг» подсказаны были преследующие его воображение апокалипсические видения чудовищных, вечно вертящихся «сатанинских колес», пылающих плавильных горнов, железных веретен новых прядильных машин, к которым при-

альная утопия будущего царства равенства и справедливости:

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

Обособленное место в ряду «пророческих книг» Блейка занимает первая из них — «Книга Тэль» (1789). По времени написания, по простоте и ясности образов и стиля она соприкасается с современными лирическими «Песнями».

Прекрасная девушка Тэль, покинув своих небесных подруг, спускается на землю: душа, ищущая воплощения в материальной земной действительности, она боится соприкосновения с ней и вместе с тем страдает от сознания своего одиночества и бесполезности. Ее поучают цветок — «невинный ландыш», пролетающее золотое облако, могильный червь, самое ничтожное из земных созданий, и сама могильная земля, расступающаяся перед ней. Все в мире связано, каждый служит другому и приносит себя в жертву другому. В этом вечном круговороте жизни никто не бесполезен, и неизбежная смерть сама только звено в круговороте существования.

Афоризмы Блейка объединены им самим в три больших цикла, один — прозаический («Пословицы

Ада», 1793) и два — стихотворные («Прорицания Невинности», 1803, и «Вечносущее Евангелие», 1818). Только первый цикл был опубликован самим Блейком в составе уже названной философской поэмы «Бракосочетание Неба и Ада» (1793). Два других извлечены из его неизданного наследия и существуют в нескольких разночтениях.

Афоризмы Блейка в эпиграмматической форме, полемически заостренной и в ряде случаев намеренно парадоксальной, выражают основные его идеи по вопросам философии и религии, морали и общественной жизни, в противопоставлении ортодоксальному церковному вероучению и господствующим принципам буржуазного государства и общества.

Блейк учит, что нет бога, который существовал бы вне мира, но бог присутствует во всем — в чашечке цветка и в горсти песка. «Все, что живет, — свято», но больше всего — человек. «Ты человек, бог — не больше, чем ты, научись же поклоняться своей человечности». «Поклоняться богу — это значит почитать дары его в других людях, в каждом — в соответствии с его гением, и больше всего любить тех, кто самые великие среди людей». «Где нет человека, природа бесплодна».

Добро и зло, согласно учению Блейка, не исключают друг друга, а диалектически взаимосвязаны. «Без противоположностей нет прогресса. Сближение и отталкивание, разум и энергия, любовь и

ненависть одинаково необходимы для человеческого существования. Поэтому в «Бракосочетании Неба и Ада» Блейк выступает как апологет ада, защитник «зла» в его взаимосвязи с добром. То, что в религии называется злом, — это «энергия». «Добро пассивно и подчиняется разуму. Зло активно, оно рождается из энергии». «Человек, — пишет Блейк в той же книге, — не имеет души, отдельной от тела». «В энергии — единственная жизнь, и исходит она от тела; разум лишь внешняя поверхность энергии». «В энергии — вечное наслаждение». «Проклятие бодрит, благословение расслабляет». «Тигры гнева мудрее, чем клячи наставлений».

Блейк утверждает, что нет греха в том смысле, как понимает грех аскетическое учение церкви. Губительно для человека только сознание греховности и раскаяние в содеянном. Любовь должна быть свободна и радостна, и тем самым она будет безгрешна; чувственность — это выражение божественного начала в человеке. «Нагота женщины — дело рук божьих». Такое понимание любви раскрыто Блейком в особенности в поэме «Видение дочерей Альбиона» (1793).

Блейк выступает против религии смирения и покорности и в афоризмах «Вечносущего Евангелия» создает свой образ Христа, во всем противоположный каноническому. Его Христос — не про-

поведник рабского смирения, кротости и послушания закону, а гордый бунтовщик, с гневом и страстью бичующий лицемерие мнимого благочестия.

Афоризмы Блейка направлены против социальной несправедливости и неравенства, против порабощения и эксплуатации человека человеком. По своим темам они перекликаются с «Песнями Опыта»:

Зовет к возмездию плач детей
Из-под безжалостных плетей.

Крик проститутки в час ночной
Висит проклятьем над страной.

Тряпки нищего в отрепья
Рвут небес великолепье.

Грош, вырванный у земледельца,
Дороже всех земель владельца.

А где грабеж — закон и право,
Распродается вся держава...

Многие мысли Блейку подсказаны, как уже говорилось, традициями левых протестантских сект, связанных с эпохой английской революции: так, понятие «вечносущее Евангелие», которое должно снять и вместе с тем исполнить забытые заветы старого, или образ «Нового Иерусалима», как ми-

стифицированное выражение революционной социальной утопии счастливого и свободного будущего человечества. Но многое вместе с тем имеет в них живое современное звучание: это острая критика классового общества и официальной религиозной идеологии, которая освящает и оправдывает его.

Работа над Блейком сопровождала покойного С. Я. Маршака на протяжении всей его творческой жизни. Он начал переводить своего любимого поэта еще юношей, в 1910-х годах. Два цикла его переводов с кратким введением к первому были опубликованы в журнале «Северные записки» (1915, № 10, и 1916, № 3), общим числом четырнадцать стихотворений, преимущественно из «Песен Невинности» и «Песен Опыта». Эти первые публикации начинающего поэта, поражающие своей художественной зрелостью, сразу создали С. Я. Маршаку литературное имя как выдающемуся мастеру художественного перевода. Опубликованное в печати составляло лишь небольшую часть переведенного — книги избранных стихотворений Блейка, над которой С. Я. Маршак уже тогда работал.

С тех пор в течение пятидесяти лет С. Я. Маршак неоднократно возвращался к этой книге, пополняя ее новыми переводами и совершенствуя

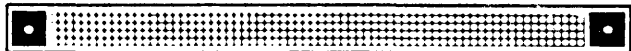
старые. При жизни он так и не успел осуществить свой давний замысел. Настоящее издание печатается по текстам переводов, подготовленным Комиссией по литературному наследию С. Я. Маршака. Стихотворения «Песня», «Заблудившаяся девочка» и «Ища тропинку на Закат...» даются по публикации 1915 года.

В. Жирмунский

Из книги
**ПОЭТИЧЕСКИЕ
НАБРОСКИ**
1769—1778

ПЕСНЯ

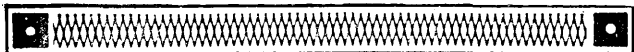
В полях порхая и кружась,
Как был я счастлив в блеске дня,
Пока любви прекрасный князь
Не кинул взора на меня.

Мне в кудри лилии он вплел,
Украсил розами чело,
В свои сады меня повел,
Где столько тайных нег цвело.

Восторг мой Феб воспламенил,
И, упоенный, стал я петь...
А он меж тем меня пленил,
Раскинув шелковую сеть.

**Мой князь со мной играет зло.
Когда пою я перед ним,
Он расправляет мне крыло
И рабством тешится моим.**

КОРОЛЬ ГВИН

Баллада

Внемлите песне, короли!
Когда норвежец Гвин
Народов северной земли
Был грозный властелин,—

В его владеньях нищету
Обкрадывала знать.
Овцу последнюю — и ту
Старалась отобрать.

«Не кормит нищая земля
Больных детей и жен.
Долой тирана-короля,
Пускай покинет трон!»

Проснулся Гóрдред между скал,
Тирана лютей враг,
И над землей затрепетал
Его мятежный стяг.

За ним идут сыны войны
Лавиною сплошной,
Как львы, сильны и голодны,
На промысел ночной.

Через холмы их путь лежит,
Их клич несется ввысь.
Оружья лязг и дробь копыт
В единый гул слились.

Идет толпа детей и жен
Из сел и деревень,
И яростью звучит их стон
В железный зимний день.

Звучит их стон, как волчий вой.
В ответ гудит земля.
Народ идет за головой
Тирана-короля.

От башни к башне мчится весть
По всей большой стране:
«Твоих противников не честь.
Готовься, Гвин, к войне!»

Норвежец щит подьемлет свой
И витязей зовет,
Подобных туче грозовой,
В которой гром живет.

Как плиты, что стоймя стоят
На кладбище немом,
Стоит бойцов безмолвный ряд
Пред грозным королем.

Они стоят пред королем
Недвижны, как гранит,
Но вот один взмахнул копьем,
И сталь о сталь звенит.

Оставил земледелец плуг,
Рабочий — молоток,
Сменил свирель свою пастух
На боевой рожок.

Король войска свои ведет,
Как грозный призрак тьмы,
Как ночь, которая несет
Дыханье чумы.

И колесницы и войска
Идут за королем,
Как грозные облака,
Скрывающие гром.

— Остановитесь! — молвил Гвин
И указал вперед: —
Смотрите, Гёрдред-исполин
Навстречу нам идет!

Стоят два войска, как весы,
Послушные судьбе.
Король, последние часы
Отпущены тебе.

Настало время — и сошлись
Заклятых два врага,
И конница взметает ввысь
Сыпучие снега.

Вся содрогается земля
От грохота шагов.
Людская кровь поит поля —
И нет ей берегов.

Летают голод и нужда
Над грудой мертвых тел.
Как много горя и труда
Для тех, кто уцелел!

Король полки бросает в бой.
Сверкают их мечи
Лучом кометы огневой,
Блуждающей в ночи.

Живые падают во прах,
Как под серпом жнецов.
Другие бьются на костях
Бессчетных мертвецов.

Вот конь под всадником убит.
И падают, звеня,
Конь на коня, и щит на щит,
И на броню броня.

Устал кровавый бог войны.
Он сам от крови пьян.
Смердящий пар с полей страны
Восходит, как туман.

О, что ответят короли,
Представ на Страшный суд,
За души тех, что из земли
О мести вопиют!

Не две хвостатые звезды
Столкнулись меж собой,
Рассыпав звезды, как плоды
Из чаши голубой.

То Гóрдред, горный исполин,
Шагая по телам,
Настиг врага — и рухнул Гвин,
Разрублен пополам.

Исчезло воинство его.
Кто мог, живым ушел.
А кто остался, на того
Косматый сел орел.

А реки кровь и снег с полей
Умчали в океан,
Чтобы оплакал сыновей
Бурливый великан.

ИГРА В ЯМУРКИ

Только снег разоденет Сусанну в меха
И повиснет алмаз на носу пастуха,
Дорога́ мне скамья пред большим очагом
Да огнем озаренные стены кругом.

Горою уголь громоздите,
А поперек бревно кладите.
И табуретки ставьте в круг
Для наших парней и подруг.

В бочонке эль темней ореха.
Любовный шепот. Взрывы смеха.
Когда ж наскучит болтовня,
Затеем игры у огня.

Девчонки шустрые ребят
Кольнуть булавкой поровят.
Но не в долгу у них ребята —
Грозит проказницам расплата.

Вот Рбджер бровью подмигнул
И утащил у Долли стул.
И вот не ждавшая подвоха
Поделовала пол дуреха!
Потом оправила наряд,
На Джона бросив томный взгляд.

Джон посочувствовал девчурке.
Меж тем играть решили в жмурки
И стали быстро убирать
Всё, что мешало им играть.

Платок сложила Мэг два раза
И завязала оба глаза
Косому Виллу для того,
Чтоб он не видел ничего.

Чуть не схватил он Мэг за платье,
А Мэг, смеясь, к нему в объятья
Толкнула Рбджера, но Вилл
Из рук добычу упустил.

Девчонки дразнят ротозея:
«Лови меня! Лови скорее!»
И вот, измаявшись вконец,
Бедняжку Кэт настиг слепец.
Он по пятам бежал вдогонку
И в уголок загнал девчонку.

— Попалась, Кэтти? Твой черед
Ловить того, кто попадет!
Смотри, вот Роджер, Роджер близко!..—
И Кэтти быстро, словно киска,
В погоню кинулась за ним.
(Ему подставил ножку Джим.)

Надев платок, он против правил
Глаза свободными оставил.
И, глядя сквозь прозрачный шелк,
Напал на Джима он, как волк,
Но Джим ему не дался в руки
И с ног свалил малютку Сьюкк.
Так не доводит до добра
Людей бесчестная игра!..

Но тут раздался дружный крик:
«Он видит, видит!» — крикнул Дик.
«Ай да слепец!» — кричат ребята.
Не спорит Роджер виноватый.

И вот, как требует устав,
На Роджера наложен штраф:
Суровый суд заставил плута
Перевернуться трижды круто.
И, отпустив ему грехи,
Вертушка Кэт прочла стихи,
Чтобы игру начать сначала.
«Лови!» — вертушка закричала.

Слепец помчался напрямик,
Но он не знал, что хитрый Дик
Коварно ждет его в засаде —
На четвереньках — шутки ради.

Он так и грохнулся... Увы!
Все наши планы таковы.
Не знает тот, кто счастье ловит,
Какой сюрприз судьба готовит...

Едва в себя слепец пришел
И видит: кровью залит пол.
Лицо ощупал он рукою —
Кровь из ноздрей бежит рекою.
Ему раскаявшийся Дик
Расстегивает воротник,
А Сэм несет воды холодной.
Но все старанья их бесплодны.

Кровь так и льет, как дождь из туч,
Пока не приложили ключ
К затылку раненого. (С детства
Нам всем знакомо это средство!)

Вот что случается порой,
Когда плутуют за игрой.
Создать для плутовства препоны
Должны разумные законы.
Ну, например, такой закон
Быть должен строго соблюден:
Пусть люди, что других обманут,
На место потерпевших станут.

Давным-давно — в те времена,
Когда людские племена
На воле жили,— нашим дедам
Был ни один закон не ведом.
Так продолжалось до тех пор,
Покуда не возник раздор,
И ложь, и прочие пороки.
Стал людям тесен мир широкий.
Тогда сказать пришла пора:
— Пусть будет честная игра!

Из книги
«ПЕСНИ НЕВИННОСТИ»
и **«ПЕСНИ ОПЫТА»**
1789—1794

Из «ПЕСЕН НЕВИННОСТИ»

ВСТУПЛЕНИЕ

Дул я в звонкую свирель.
Вдруг на тучке в вышине
Я увидел колыбель,
И дитя сказало мне:

— Милый путник, не спеши.
Можешь песню мне сыграть? —
Я сыграл от всей души,
А потом сыграл опять.

— Кинь счастливый свой тростник.
Ту же песню сам пропой! —
Молвил мальчик и пони
Светлокудрой головой.

— Запиши для всех, певец,
То, что пел ты для меня! —
Крикнул мальчик наконец
И растаял в блеске дня.

Я перо из тростника
В то же утро смастерил,
Взял всды из родника
И землею замутил.

И, раскрыв свою тетрадь,
Сел писать я для того,
Чтобы детям передать
Радость сердца моего!

ПАСТУХ

Как завиден твой жребий, пастух.
От зари до зари ты бредешь,
Гонишь кроткое стадо на луг
И хвалу неустанно поешь.

Зов ягнят, матерей их ответ
Целый день услаждают твой слух.
Стадо знает: опасности нет,
Ибо с ним его чуткий пастух.

СМЕЮЩЕЕСЯ ЭХО

Солнце взошло,
И в мире светло.
Чист небосвод.
Звон с вышины
Славит приход
Новой весны.
В чаще лесной
Радостный гам
Вторит весной
Колоколам.
А мы, детвора,
Чуть свет на ногах,
Играем с утра
На вешних лугах,
И вторит нам эхо
Раскатами смеха.

Вот дедушка Джон.
Смеется и он.
Сидит он под дубом
Со старым народом,
Таким же беззубым
И седобородым.

Натешившись нашей
Веселой игрой,
Седые папаши
Бормочут порой:
— Кажись, не вчера ли
На этом лугу
Мы тоже играли,
Смеясь на бегу,
И взрывами смеха
Нам вторило эхо!

А после заката
Пора по домам.
Теснятся ребята
Вокруг своих мам.
Так в сумерках вешних
Скворчата в скворешнях,
Готовясь ко сну,
Хранят тишину.

Ни крика, ни смеха
Впотьмах на лугу.
Устало и эхо.
Молчит, ни гугу.

АГНЕЦ

Агнец, агнец белый!
Кем ты, агнец, сделан?
Кто пастись тебя привел
В наш зеленый вешний дол,
Дал тебе волнистый пух,
Голосок, что нежит слух?
 Кто он, агнец милый?
 Кто он, агнец милый?

Слушай, агнец кроткий,
Мой рассказ короткий.
Был, как ты, он слаб и мал.
Он себя ягненком звал.

Ты — ягненок, я — дитя.
Он такой, как ты и я.
Агнец, агнец милый,
Бог тебя помилуй!

ЧЕРНЫЙ МАЛЬЧИК

Мне жизнь в пустыне мать моя дала,
И черен я — одна душа бела.
Английский мальчик светел, словно день,
А я черней, чем темной ночи тень.

Учила мать под деревом меня
И, прерывая ласками урок,
В сиянье раннем пламенного дня
Мне говорила, глядя на восток:

— Взгляни на Солнце, — там господь живет,
Он озаряет мир своим огнем.
Траве, зверям и людям он дает
Блаженство утром и отраду днем.

Мы посланы сюда, чтоб глаз привык
К лучам любви, к сиянию небес.
И это тельце, этот черный лик —
Ведь только тучка иль тенистый лес.

Когда глазам не страшен будет день,
Растает тучка. Скажет он: «Пора!
Покиньте, дети, лиственную сень,
Резвитесь здесь, у моего шатра!»

Так говорила часто мать моя.
Английский мальчик, слушай: если ты
Из белой тучки выпорхнешь, а я
Освобожусь от этой черноты,—

Я заслоню тебя от зноя дня
И буду гладить золотую прядь,
Когда, головку светлую клоня,
В тени шатра ты будешь отдыхать.

МАЛЕНЬКИЙ ТРУБОЧНИСТ

Был я крошкой, когда умерла моя мать,
И отец меня продал, едва лепетать
Стал мой детский язык. Я тружусь и терплю,
Ваши трубы я чищу и в копоти сплю.

Белокурый наш Том столько выплакал слез —
Было жалко бедняге кудрявых волос.
Я сказал ему: — Ладно, не плачь, старина,
Без кудрей тебе сажа не будет страшна!

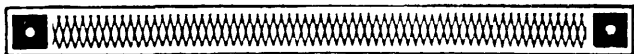
Он забылся, утих и, уйдя на покой,
В ту же самую ночь сон увидел такой:
Будто он, Дик, и Нэд, и десятки ребят
В черных гробиках тесных под крышками спят.

Но приходит к ним ангел с ключом золотым,
Он гроба отпирает один за другим,
И ребята вприпрыжку несутся к реке
И, умывшись, играют в лучах на песке.

А потом нагишом, налегке, без мешков
Том с друзьями залез на гряду облаков.
И сказал ему ангел: — Послушай-ка, Том,
Будь хорошим, и бог тебе будет отцом.

Ранним утром проснулись ребята впотьмах
И с мешками пошли чистить трубы в домах.
Утро было сырое, но Том не продрог.
Тот, кто честен и весел, не знает тревог.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

«Где ты, отец мой? Тебя я не вижу.
Трудно быстрее мне идти.
Да говори же со мной, говори же,
Или собьюсь я с пути!»

Долго он звал, но отец был далеко
Сумрак был страшен и пуст.
Ноги тонули в тине глубокой,
Пар вылетал из уст.

МАЛЬЧИК НАЙДЕННЫЙ

Маленький мальчик, устало бредущий
Вслед за болотным огнем,
Звать перестал. Но отец вездесущий
Был неотлучно при нем.

Мальчика взял он и краткой дорогой,
В сумраке ярко светя,
Вывел туда, где с тоской и тревогой
Мать ожидала дитя.

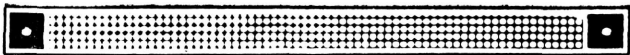

СМЕЮЩАЯСЯ ПЕСНЯ

В час, когда листва шелестит, смеясь,
И смеется ключ, меж камней змеясь,
И смеемся, даль взбудоражив, мы,
И со смехом шлют нам ответ холмы,
И смеется рожь и хмельной ячмень,
И кузнечик рад хохотать весь день,
И вдали звенит, словно гомон птиц,
«Ха-ха-ха! Ха-ха!» — звонкий смех девиц,

А в тени ветвей стол накрыт для всех,
И, смеясь, трещит меж зубов орех,—
В этот час приди, не боясь греха,
Посмеяться всласть: «Хо-хо-хо! Ха-ха!»

ИЗ «КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ»

Сон, сон,
Полог свой
Свей над детской головой.
Пусть нам снится звонкий ключ,
Тихий, тонкий лунный луч.

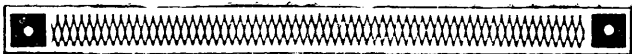
Легким трепетом бровей
Из пушинок венчик свей.
Обступи, счастливый сон,
Колыбель со всех сторон.

Сон, сон,
В эту ночь
Улетать не думай прочь.
Материнский нежный смех,
Будь нам лучшей из утех.

Тихий вздох и томный стон,
Не тревожьте детский сон.
Пусть улыбок легкий рой
Сторожит ночной покой.

Спи, дитя, спокойным сном.
Целый мир уснул кругом,
Тихо дышит в тишине,
Улыбается во сне...

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

По городу проходят ребята по два в ряд,
В зеленый, красный, голубой одетые наряд.
Седые дядьки впереди. Толпа течет под своды
Святого Павла, в гулкий храм, шумя, как Темзы воды.

Какое множество детей — твоих цветов, столица!
Они сидят над рядом ряд, и светятся их лица.
Растет в соборе смутный шум — невинный гул ягнят.
Ладони сложены у всех, и голоса звенят.

Как буря, пенье их летит вверх из пределов тесных,
Гремит, как гармоничный гром среди высот небесных,
Седые пастыри внизу, заступники сирот...
Ласкайте жалость, и от вас ваш ангел не уйдет.

НОЧЬ

Заходит солнце, и звезда
Сияет в вышине.
Не слышно песен из гнезда.
Пора уснуть и мне.
Луна цветком чудесным
В своем саду небесном
Глядит на мир, одетый в тьму,
И улыбается ему.

Прощайте, рощи и поля,
Невинных стад приют.
Сейчас, травы не шевеля,
Там ангелы идут
И льют благословенье
На каждое растение,

На почку, спящую пока,
И чашу каждого цветка.

Они хранят покой гнезда,
Где спят птенцы весной,
И охраняют от вреда
Зверей в глуши лесной.
И если по дороге
Услышат шум тревоги,
Печальный вздох иль тяжкий стон,
Они несут страдальцам сон.

А если волк иль мощный лев
Встречается в пути,
Они спешат унять их гнев
Иль жертву их спасти.
Но если зверь к мольбам их глух,
Невинной жертвы кроткий дух
Уносят ангелы с собой
В другое время, в мир другой.

И там из красных львиных глаз
Прольются капли слез,
И будет охранять он вас,
Стада овец и коз,
И скажет: «Гнев — любовью,
А немощи — здоровьем
Рассеяны, как тень,
В бессмертный этот день.

Теперь, ягненок, я могу
С тобою рядом лечь,
Пастись с тобою на лугу
И твой покой беречь.
Живой водой омылся я,
И грива пышная моя,
Что всем живым внушала страх,
Сияет золотом в лучах».

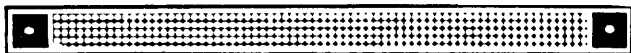
ВЕСНА

Чу, свирель!
Смолкла трель...
Соловей —
Меж ветвей.
Жаворонок в небе.
Всюду птичий щебет.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Рады все на свете.
Радуются дети.
Петух — на насесте.
С ним поем мы вместе.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

Милый мой ягненок,
Голосок твой тонок.
Ты ко мне, дружок, прильни,
Язычком меня лизни.
Дай погладить, потрепать
Шерстки шелковую прядь.
Дай-ка поцелую
Мордочку смешную.
Весело, весело
Встречаем мы весну!

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

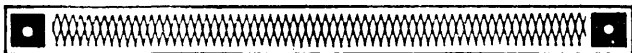
Отголоски игры долетают с горы,
Оглашают темнеющий луг.
После трудного дня нет забот у меня,
В сердце тихо, и тихо вокруг.

-- Дети, дети, домой! Гаснет день за горой,
Выступает ночная роса.
Погуляли — и спать. Завтра выйдем опять,
Только луч озарит небеса.

— Нет, о нет, не сейчас! Светлый день не угас.
И привольно и весело нам.
Все равно не уснем — птицы реют кругом
И блуждают стада по холмам.

— Хорошо, подождем, но с последним лучом
На покой удалимся и мы.—
Снова топот и гам по лесам, по лугам.
А вдали отвечают холмы.

ДИТЯ-РАДОСТЬ

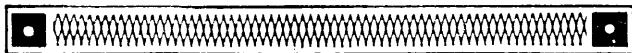
— Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.

— Как же тебя назову?
— Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!

Радость моя —
Двух только дней, —
Радость дана мне судьбою.

Глядя на радость свою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!

ДИТЯ-РАДОСТЬ

— Мне только два дня.
Нет у меня
Пока еще имени.

— Как же тебя назову?
— Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!

Радость моя —
Двух только дней, —
Радость дана мне судьбою.

Глядя на радость свою,
Я пою:
Радость да будет с тобою!

Пожалел я бедняка.
Вдруг увидел светяка.
— Чей, — спросил он, — тяжкий стон
Нарушает летний сон?

Выслан я с огнем вперед.
Жук за мной летит в обход.
Следуй дó дому за ним —
Будешь цел и невредим!

О СКОРБИ БЛИЖНЕГО

**Разве ближних вам не жаль,
Если их гнетет печаль?
Зная ближнего мученья,
Кто не ищет облегченья?**

**Можно ль, видя слез ручьи,
Не прибавить к ним свои?
И кого из вас не тронет,
Если сын ваш тяжело стонет?**

**И какая может мать
Вместе с крошкой не страдать?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!**

Как же тот, кто всем отец,
Видит скорбь твою, птенец?
Как всевидящий и чуткий
Может слышать стон малютки

И не быть вблизи гнезда,
Где тревога и нужда,
И не быть у той кровати,
Где ребенок в лихорадке?

Не сидеть с ним день и ночь,
Не давая изнемочь?
Нет, нет, никогда,
Ни за что и никогда!

.
.

Из «ПЕСЕН ОПЫТА»

СВЯТОЙ ЧЕТВЕРГ

(Весенний праздник в Лондоне)

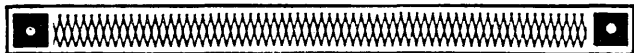
Да чем же этот праздник свят,
Когда богатый край такой
Рожденных в нищенстве ребят
Питает жадною рукой?

Что это — песня или стон
Несется к небу, трепеща?
Голодный плач со всех сторон.
О, как страна моя нища!

Видно, сутки напролет
В ней стоит ночная тьма,
Никогда не тает лед,
Не кончается зима.

Где сияет солнца свет,
Где роса поит цветы,
Там детей голодных нет,
Нет угрюмой нищеты.

ЗАБЛУДИВШАЯСЯ ДЕВОЧКА

В будущем далеком
Вижу зорким оком,
Как от сна воспрянет
Вся земля — и станет
Кротко звать творца,
Как дитя — отца...
И бесплодный край
Расцветет, как рай!

В дебрях южной стороны,
В царстве ласковой весны
Крошка девочка брела,
Утомилась и легла.

Ей седьмая шла весна.
Птичек слушая, она
Увлелась и невзначай
Забрела в пустынный край.

«Сладкий сон, слети ко мне
В этой дикой стороне.
Ждет отец мой, плачет мать...
Как могу я мирно спать?»

Баю-баюшки-баю...
Я одна в чужом краю.
Разве может дочка спать,
Если дома плачет мать?»

Коль у мамы воет грудь,
Мне здесь тоже не уснуть.
Если ж дома спит она,
Дочка плакать не должна...

Ты не хмурься, мрак ночной!
Полночь, сжался надо мной:
Подыми свою луну,
Лишь ресницы я сомкну!»

Сон тревогу превозмог.
Звери вышли из берлог
И увидели во мгле —
Спит младенец на земле.

Подошел к ней властный лев
И, малютку оглядев,
Тяжко прыгать стал кругом
По земле, объятай сном.

К детке тигры подошли,
Барсы игры завели...
И на землю, присмирив,
Опустился старый лев.

Он из пламенных очей
Светлых слез струил ручей,
И, склонив золотую прядь,
Стал он спящую лизать.

Львица, матери нежней,
Расстегнула платье ей,
И в пещеру — в тихий дом —
Львы снесли ее вдвоем.

МУХА

Бедняжка муха,
Твой летний рай
Смахнул рукою
Я невзначай.

Я — тоже муха:
Мой краток век.
А чем ты, муха,
Не человек?

Вот я играю,
Пою, пока
Меня слепая
Сметет рука.

Коль в мысли сила
И жизнь и свет,
И там могла,
Где мысли нет, —

То пусть умру я
Или живу,
Счастливой мухой
Себя зову.

ТИГР

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чащи!
Кем задуман огневой
Соразмерный образ твой?

В небесах или глубинах
Тлел огонь очей звериных?
Где таился он века?
Чья нашла его рука?

Что за мастер, полный силы,
Свил твои тугие жилы
И почувствовал меж рук
Сердца первый тяжкий стук?

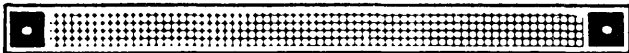
Что за горы пред ним пылали?
Что за млат тебя ковал?
Кто впервые сжал клещами
Гневный мозг, метавший пламя?

А когда весь купол звездный
Оросился влагой слезной, —
Улыбнулся ль наконец
Делу рук своих творец?

Неужели та же сила,
Та же мощная ладонь
И ягненка сотворила
И тебя, ночной огонь?

Тигр, о тигр, светло горящий
В глубине полночной чаши!
Чьей бессмертной рукой
Создан грозный образ твой?

МАЛЕНЬКИЙ БРОДЯЖКА

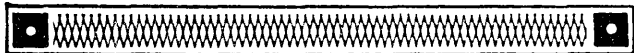
Ах, маменька, в церкви и холод и мрак.
Куда веселей придорожный кабак.
К тому же ты знаешь повадку мою —
Такому бродяжке не место в раю.

Вот ежели в церкви дадут нам винца
Да пламенем жарким согреют сердца,
Я буду молиться весь день и всю ночь.
Никто нас из церкви не выгонит прочь.

И станет наш пастырь служить веселей.
Мы счастливы будем, как птицы полей.
И строгая тетка, что в церкви весь век,
Не станет пороть малолетних калек.

**И бог будет счастлив, как добрый отец,
Увидев довольных детей наконец.
Наверно, простит он бочонок и черта
И дьяволу выдаст камзол и ботфорты.**

ЛОНДОН

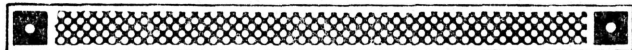
По вольным улицам брожу,
У вольной издавна реки.
На всех я лицах нахожу
Печать бессилья и тоски.

Мужская брань, и женский стон,
И плачь испуганных детей
В моих ушах звучат, как звон
Сознанием созданных цепей.

Здесь трубочистов юных крики
Пугают сумрачный собор,
И кровь солдата-горемыки
Течет на королевский двор.

А от проклятий и угроз
Девчонки в закоулках мрачных
Чернеют капли детских слез
И катафалки новобрачных.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

Была бы жалость на земле едва ли,
Не доводи мы ближних до сумы.
И милосердья люди бы не знали,
Будь и другие счастливы, как мы.

Покой и мир хранит взаимный страх.
И себялюбье властвует на свете.
И вот жестокость, скрытая впотьмах,
На перекрестках расставляет сети.

Святого страха якобы полна,
Слезами грудь земли поит она.
И скоро под ее зловецей сенью
Ростки пускает кроткое смиренье.

Его покров зеленый распростер
Над всей землей мистический шатер.
И тайный червь, мертвящий все живое,
Питается таинственной листвою.

Оно приносит людям каждый год
Обмана сочный и румяный плод.
И в гуще листьев, темной и тлетворной,
Невидимо гнездится ворон черный.

Все наши боги неба и земли
Искали это дерево от века.
Но отыскать доньше не могли:
Оно растет в мозгу у человека.

ДРЕВО ЯДА

В ярость друг меня привел.
Гнев излил я — гнев прошел.
Враг обиду мне панес —
Я молчал, но гнев мой рос.

Я растил его в тиши
В глубине своей души,
То слезами поливал,
То улыбкой согревал.

С каждым часом, с каждым днем
Зрело яблочко на нем,
Яда сладкого полно.
Знал мой недруг, чье оно.

Поздней ночью в тишине
Он прокрался в сад ко мне
И остался недвижим,
Ядом скованный моим.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ МАЛЬЧИК

**«Нельзя любить и уважать
Других, как собственное я,
Или чужую мысль признать
Гораздо большей, чем своя.**

**Я не могу любить сильнее
Ни мать, ни братьев, ни отца.
Я их люблю, как воробей,
Что ловит крошки у крыльца».**

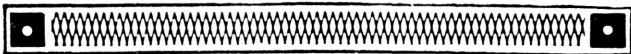
**Услышав это, духовник
Дитя за волосы схватил
И поволок за воротник.
А все хвалили этот пыл.**

Потом, взобравшись на амвон,
Сказал священник: — Вот злодей!
Умом понять пытался он
То, что сокрыто от людей!

И не был слышен детский плач,
Напрасно умоляла мать,
Когда дитя раздел палач
И начал цепь на нем ковать.

Был на костре — другим на страх —
Преступник маленький сожжен...
Не на твоих ли берегах
Все это было, Альбион?

ШКОЛЬНИК

Люблю я летний час рассвета.
Щебечут птицы в тишине.
Трубит в рожок охотник где-то.
И с жаворонком в вышине
Перекликаться люблю мне.

Но днем сидеть за книжкой в школе —
Какая радость для ребят?
Под взором старших, как в неволе,
С утра усаженные в ряд,
Бедняги школьники сидят.

С травой и птицами в разлуке,
За часом час я провожу,
Утех ни в чем не нахожу
Под ветхим куполом науки,
Где каплет дождик мертвой скуки.

Поет ли дрозд, попавший в сети,
Забыв полеты в вышину?
Как могут радоваться дети,
Встречая взаперти весну?
И никнут крылья их в плену.

Отец и мать! Коль ветви сада
Ненастным днем обнажены
И шелестящего жаряда
Чуть распутившейся весны
Дыханьем бури лишены, —

Придут ли дни тепла и света,
Тая в листе румяный плод?
Какую радость даст нам лето?
Благословим ли зрелый год,
Когда зима опять дохнет?

**РАЗНЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**
1793—1811

* * *

Словом высказать нельзя
Всю любовь к любимой.
Ветер движется, скользя,
Тихий и незримый.

Я сказал, я все сказал,
Что в душе таилось.
Ах, любовь моя в слезах,
В страхе удалилась.

А мгновение спустя
Путник, шедший мимо,
Тихо, вкрадчиво, шутя,
Завладел любимой.

ЗОЛОТАЯ ЧАСОВНЯ

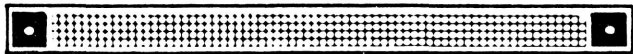
Перед часовней, у ворот,
Куда никто войти не мог,
В тоске, в мольбе стоял народ,
Роняя слезы на порог.

Но вижу я: поднялся змей
Меж двух колонн ее витых,
И двери тяжестью своей
Сорвал он с петель золотых.

Вот он ползет во всю длину
По малахиту, янтарию,
Вот, поднимаясь в вышину,
Стал подбираться к алтарю.

Разинув свой тлетворный зев,
Вино и хлеб обрызгал змей...
Тогда пошел я в грязный хлев
И лег там спать среди свиней!

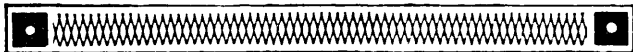
ПЕСНЯ ДИКОГО ЦВЕТКА

Меж листьев зеленых
Ранней весной
Пел свою песню
Цветик лесной:

— Как сладко я спал
В темноте, в тишине,
О смутных тревогах
Шептал в полусне.

Раскрылся я, светел,
Пред самую зорькой,
Но свет меня встретил
Обидою горькой.

СНЕГ

Зимою увидел я снежную гладь,
И снег попросил я со мной поиграть.
Играя, растаял в руках моих снег...
И вот мне Зима говорит: — Это грех!

* * *

Разружьте своды церкви мрачной
И катафалк постели брачной
И смойте кровь убитых братьев —
И будет снято с вас проклятье.

МЕЧ И СЕРП

Меч — о смерти в ратном поле,
Серп о жизни говорил,
Но своей жестокой воле
Меч серпа не покорил.

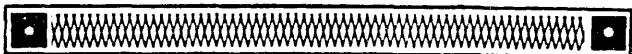

ЛЕТУЧАЯ РАДОСТЬ

Кто удержит радость силою,
Жизнь погубит легкокрылую.

На лету целуй ее —
Утро вечности твое!

ВОПРОС И ОТВЕТ

- Расскажите-ка мне, что вы видите, дети?
- Дурака, что попался религии в сети.

БОГАТСТВО

Веселых умов золотые крупинки,
Рубины и жемчуг сердец
Бездельник не сбудет с прилавка на рынке,
Не спрячет в подвалы скупец.

**РАЗГОВОР ДУХОВНОГО ОТЦА
С ПРИХОЖАНИНОМ**

- Мой сын, смиренню учитесь у овец!..
- Боюсь, что стричь меня вы будете, отец!

* * *

**К восставшей Франции мошенники Европы
Как звери отнеслись, а после — как холопы.**

ИСКАТЕЛЬНИЦЕ УСПЕХА

Вся ее жизнь эпиграммой была,
Тонкой, тугой, блестящей,
Сплетенной для ловли сердец без числа
Посредством петель скользящей.

* * *

Я слышу зов, неслышимый вам,
Гласящий: — В путь иди!—
Я вижу перст, невидный вам,
Горящий впереди.

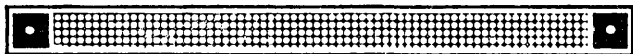

* * *

Ища тропинку на Закат,
Пространством тесным Гневных Врат,
Я бодро прохожу.
И жалость кроткая меня
Ведет, в раскаянье стена,
Я проблеск дня слезу.

Мечей и копий гаснет бой
Рассветной раннею порой.
И солнце, в радостных слезах,
Преодолев свой тяжкий страх,
Сияет ярко в небесах.

МЭРИ

Прекрасная Мэри впервые пришла
На праздник меж первых красавиц села.
Нашла она много друзей и подруг,
И вот что о ней говорили вокруг:

«Неужели к нам ангел спустился с небес
Или век золотой в наше время воскрес?
Свет небесных лучей затмевает она.
Приоткроет уста — наступает весна!»

Мэри движется тихо в сиянье своей
Красоты, от которой и всем веселей.
И, стыдливо краснея, сама сознает,
Что прекрасное стóит любви и забот.

Утром люди проснулись и вспомнили ночь,
И веселье продлить они были не прочь.
Мэри так же беспечно на праздник пришла,
Но друзей она больше в толпе не нашла.

Кто сказал, что прекрасная Мэри горда,
Кто добавил, что Мэри не знает стыда.
Будто ветер сырой налетел и унес
Лепестки распустившихся лилий и роз.

«О, зачем я красивой на свет рождена?
Почему не похожа на всех я одна?
Почему, одарив меня щедрой рукой,
Небеса меня предали злобе людской?»

— Будь смиренна, как агнец, как голубь, чиста, —
Таково, мне твердили, ученье Христа. —
Если же зависть рождаешь ты в душах у всех
Красотою своей, — на тебе этот грех!

Я не буду красивой, сменю свой наряд,
Мой румянец поблекнет, померкнет мой взгляд.
Если ж кто предпочтет меня милой своей,
Я отвергну любовь и пошлю его к ней».

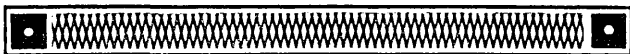
Мэри скромно оделась и вышла чуть свет.
«Сумасшедшая!» — крикнул мальчишка вослед.
Мэри скромный, но чистый надела наряд,
А вернулась забрызгана грязью до пят.

Вся дрожа, опустилась она на кровать,
И всю ночь не могла она слезы унять,
Позабыла про ночь, не заметила дня,
В чуткой памяти злобные взгляды храня.

Лица, полные ярости, злобы слепой,
Перед ней проносились, как дьяволов рой.
Ты не видела, Мэри, луча доброты.
Темной злобы не знала одна только ты.

Ты же — образ любви, изнемогшей в слезах,
Нежный образ ребенка, узнавшего страх,
Образ тихой печали, тоски роковой,
Что проводят тебя до доски гробовой.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЧЕРТОГ

На вольной воле я блуждал
И юной девой взят был в плен.
Она ввела меня в чертог
Из четырех хрустальных стен.

Чертог светился, а внутри
Я в нем увидел мир иной:
Была там маленькая ночь
С чудесной маленькой луной.

Иная Англия была,
Еще неведомая мне, —
И новый Лондон над рекой,
И новый Тауэр в вышине.

Не та уж девушка со мной,
А вся прозрачная, в лучах.
Их было три — одна в другой.
О, сладкий, непонятный страх!

Ее улыбкою тройной
Я был, как солнцем, освещен.
И мой блаженный поцелуй
Был троекратно возвращен.

Я к сокровеннейшей из трех
Простер объятья — к ней одной.
И вдруг распался мой чертог.
Ребенок плачет предо мной.

Лежит он на земле, а мать
В слезах склоняется над ним.
И, возвращаясь в мир опять,
Я плачу, горестью томим.

**ДЛИННЫЙ ДЖОН БРАУН
И МАЛЮТКА МЭРИ БЭЛЛ**

Была в орехе фея у крошки Мэри Бэлл,
А у верзилы Джона в печенках черт сидел.
Любил малютку Мэри верзила больше всех,
И заманила фея дьявола в орех.

Вот выпрыгнула фея и спряталась в орех.
Смеясь, она сказала: «Любовь — великий грех!»
Обиделся на фею в нее влюбленный бес,
И вот к верзиле Джону в похлебку он залез.

Попал к нему в печенки и начал портить кровь.
Верзила ест за семерых, чтобы прогнать любовь,
Но тает он, как свечка, худеет с каждым днем
С тех пор, как поселился голодный дьявол в нем.

— Должно быть, — люди говорят, —

в него забрался волк! —

Другие дьявола винят, и в этом есть свой толк.

А фея пляшет и поет — так дьявол ей смешон.

И доплясалась до того, что умер длинный Джон.

Тогда плясунья-фея покинула орех.

С тех пор малютка Мэри не ведает утех.

Ее пустым орехом сам дьявол завладел.

И вот с протухшей скорлупой осталась Мэри Бэлл.

* * *

Мой ангел, наклонясь над колыбелью,
Сказал: «Живи на свете, существо,
Исполненное радости, веселья,
Но помощи не жди ни от кого».

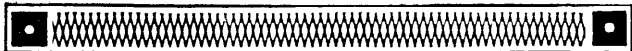

* * *

**Всю жизнь любовью пламенной сгорая,
Мечтал я в ад попасть, чтоб отдохнуть от рая.**

О БЛАГОДАРНОСТИ

От дьявола и от царей земных
Мы получаем знатность и богатство.
И небеса благодарить за них,
По моему суждению, — святотатство.

ВЗГЛЯД АМУРА

На перси Хлои бросил взор крылатый мальчуган,
Но, встретив Зою, он глядит украдкой на карман.

* * *

Я встал, когда редела ночь.
— Поди ты прочь! Поди ты прочь!
О чем ты молишься, поклоны
Кладя пред капищем Мамоны?

Я был немало удивлен.
Я думал, — это божий трон.
Всего хватает мне, но мало
В кармане звонкого металла.

Есть у меня богатство дум,
Восторги духа, здравый ум,
Жена любимая со мною.
Но беден я казной земною.

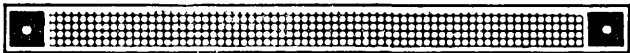
Я перед богом день и ночь.
С меня он глаз не сводит прочь.
Но дьявол тоже неотлучен:
Мой кошелек ему поручен.

Он мой невольный казначей.
Я ел бы пищу богачей,
Когда бы стал ему молиться.
Я не хочу, а дьявол злится.

Итак, не быть мне богачом.
К чему ж молиться и о чем?
Желаний у меня немного,
И за других молю я бога.

Пускай дает мне злобный черт
Одежды, пищи худший сорт, —
Мне и в нужде живется славно...
А все же, черт, служи исправно!

* * *

— Что оратору нужно? Хороший язык?
— Нет, — ответил оратор. — Хороший парик!
— А еще? — Не смутился почтенный старик
И ответил: — Опять же хороший парик.
— А еще? — Он задумался только на миг
И воскликнул: — Конечно, хороший парик!

— Что, маэстро, важнее всего в портретисте? —
Он ответил: — Особые качества кисти.
— А еще? — Он, палитру старательно чистя,
Повторил: — Разумеется, качество кисти.
— А еще? — Становясь понемногу речистей,
Он воскликнул: — Высокое качество кисти!

Вильяму Хэйли

О ДРУЖБЕ

**Врагов прощает он, но в том беда,
Что не прощал он друга никогда.**

Вильяму Хэйли

✻ * ✻

**Ты мне нанес, как друг, удар коварный сзади,
Ах, будь моим врагом, хоть дружбы ради!**

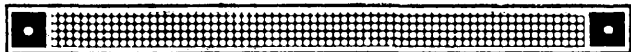

МОЕМУ ХУЛИТЕЛЮ

Пусть обо мне ты распускаешь ложь,
Я над тобою не глумлюсь тайком.
Пусть сумасшедшим ты меня зовешь,
Тебя зову я только дураком.

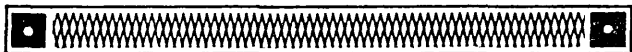
ЭПИТАФИЯ

Я погребен у городской канавы водосточной,
Чтоб слезы лить могли друзья и днем и еженочно.

**Из «ПРОРОЧЕСКИХ
КНИГ»**

ТЭЛЬ

1789

*Известно ль орлу, что таится в земле?
Или крот вам скажет о том?
Как мудрость в серебряном спрятать желе,
А любовь — в ковше золотом?*

I

В долине дщери Серафимов пасли своих овец,
Но Тэль, их младшая сестра, блуждала одиноко,
Готова с первым дуновеньем исчезнуть навсегда.
Вдоль по течению Адоны несется скорбный ропот,
И льются тихие стенанья, как падает роса.

— О ты, бегущая вода! Зачем твой лотос вянет?
Твоих детей печален жребий: мгновенный смех и смерть.
Ах, Тэль — как радуга весны, как облако в лазури,
Как образ в зеркале, как тени, что бродят по воде,
Как мимолетный детский сон, как резвый смех ребенка,
Как голос голубя лесного, как музыка вдали.
Скорей бы голову склонить, забыться безмятежно
И тихо спать последним сном и слышать тихий голос
Того, кто по саду проходит вечернею порой.

Невинный ландыш, чуть заметный среди смиренных трав,
Прекрасной девушке ответил: «Я — тонкий стебелек,
Живу я в низменных долинах; и так я слаб и мал,
Что мотылек присесть боится, порхая, на меня.
Но небо благостно ко мне, и тот, кто всех лелеет,
Ко мне приходит в ранний час и, осенив ладонью,
Мне шепчет: — Радуйся, цветок, о лилия-малютка,
О дева чистая долин и ручейков укромных.
Живи, одевшись в ткань лучей, питайся божьей манной,
Пока у звонкого ключа от зноя не увянешь,
Чтоб расцвести в долинах вечных! —

На что же ропщет Тэль?

О чем вздыхает безутешно краса долины Гар?»

Цветок умолк и притаился в росистом алтаре.

Тэль отвечала: — О малютка, о лилия долин,
Ты отдаешь себя усталым, беспомощным, немым,

Ты нежишь кроткого ягненка: молочный твой наряд
С восторгом лижет он и щиплет душистые цветы,
Меж тем как ты с улыбкой нежной глядишь ему в глаза,
Сметая с мордочки невинной прилипший вредный сор.
Твой сок прохладный очищает густой янтарный мед.
Дыша твоим благоуханьем, окрестная трава
Живит кормилицу-корову, смиряет пыл коня.
Но Тэль — как облако, случайно зажженное зарей.
Оно покинет трон жемчужный, и кто его найдет?

«Царица юная долин! — промолвил скромный ландыш. —
Ты можешь облако спросить, плывущее над нами,
Зачем на утренней заре горит оно и блещет,
Огни и краски рассыная по влажной синеве.
Слети к нам, облако, помедли перед глазами Тэль!»

Спустилось облако, а ландыш, головку наклонив,
Опять ушел к своим бесчисленным заботам и делам.

II

— Скажи мне, облако, — спросила задумчивая Тэль, —
Как ты не ропщешь, не тоскуешь, живя один лишь час?
Но час пройдет, и больше в небе тебя мы не найдем.
И Тэль — как ты. Но Тэль тоскует, и нет ответа ей!

Главу золотую обнаружив и выплыв на простор,
Сверкнуло облако, витая над головою Тэль.

«Ты знаешь, влагу золотую прохладных родников
Пьют наши кони там, где Лува меняет лошадей.
Ты смотришь с грустью и тревогой на молодость мою,
Скорбя о том, что я растаю, исчезну без следа.
Но знай, о девушка: растаяв, я только перейду
К десятикратной новой жизни, к покою и любви.
К земле спускаясь невидимкой, я чашечек цветов
Касаюсь крыльями и фею пугливую — росу
Молю принять меня в прозрачный, сияющий шатер.
Рыдает трепетная дева, колени преклонив
Перед светилом восходящим. Но скоро мы встаем
Соединенной, неразлучной, ликующей четой,
Чтоб вместе странствовать и пищу нести цветам полей».

— Неужто, облачко? Я вижу, различен наш удел:
Дышу я тоже ароматом цветов долины Гар,
Но не кормлю цветов душистых. Я слышу щебет птиц,
Но не питаю малых пташек. Они свой корм в полях
Находят сами. Я исчезну, и скажут обо мне:
Без пользы век свой прожила сияющая дева,
Или жила, чтоб стать добычей прожорливых червей?..

С престола облако склонилось и отвечало Тэль:

«Коль суждено тебе, о дева, стать пищей для червей,
Как велико твое значенье, как чуден твой удел.
Все то, что дышит в этом мире, живет не для себя.

Не бойся, если из могилы червя я позову.
Явись к задумчивой царице, смиренный сын Земли!»

Могильный червь приполз мгновенно
и лег на влажный лист,
И скрылось облако в погоне за спутницей своей.

III

Бессильный червь лежал, свернувшись, на маленьком листке.

— Ах, кто ты, слабое создание? Ты — червь?
И только червь?

Передо мной лежит младенец, завернутый в листок,
Не плачь, о слабый голосок! Ты говорить не можешь
И только плачешь без конца. Никто тебя не слышит,
Никто любовью не согреет озябшее дитя!..

Но глыба влажная земли малютку услышала,
Склонилась ласково над ним и все живые соки,
Как мать младенцу, отдала. И, накормив питомца,
Смиренный взгляд спокойных глаз на деву устремила.

«Краса долин! Мы все на свете живем не для себя.
Меня ты видишь? Я ничтожна, ничтожней в мире всех.
Я лишена тепла и света, темна и холодна.
Но тот, кто любит всех смиренных, льет на меня елей,
Меня делует, и одежды мне брачные дает,

И говорит: — Тебя избрал я, о мать моих детей,
И дал тебе венец встлennyй, любви моей залог! —
Но что, о дева, это значит, понять я не могу.
Я только знаю, что дано мне жить и, живя, любить».

Тэль осушила легкой тканью потоки светлых слез
И тихо молвила:— Отныне не стану я роптать.
Я знала: друг всего живого не может не жалеть
Червя ничтожного и строго накажет за него
Того, кто с умыслом раздавит беспомощную тварь.
Но я не знала, что едем и чистым молоком
Червя он кормит, и напрасно роптала на него,
Страшась сойти в сырую землю, покинуть светлый мир.

«Послушай, девушка, — сказала приветливо земля, —
Давно твои я слышу вздохи, все жалобы твои
Неслись над кровлею моею, — я привлекла их вниз.
Ты хочешь дом мой посетить? Тебе дано спуститься
И выйти вновь на свет дневной. Перешагни без страха
Своею девственной ногою запретный мой порог!»

IV

Угрюмый сторож вечных врат засов железный поднял,
И Тэль, сойдя, узнала тайны невиданной страны,
Узрела ложа мертвецов, подземные глубины,
Где нити всех земных сердец гнездятся, извиваясь, —
Страну печали, где улыбка не светит никогда.

Она бродила в царстве туч, по сумрачным долинам,
Внимая жалобам глухим, и часто отдыхала
Вблизи неведомых могил, прислушиваясь к стонам
Из глубины сырой земли... Так, медленно блуждая,
К своей могиле подошла и тихо там присела,
И услышала скорбный гул пустой, глубокой ямы:

«Зачем всегда открыто ухо для роковых вестей,
А глаз блестящий — для улыбки, таящей сладкий яд?
Зачем безжалостное веко полно жестоких стрел,
Скрывая воинов бесчисленных в засаде, или глаз,
Струящий милости и ласки, червонцы и плоды?
Зачем язык медовой пылью ласкают ветерки?
Зачем в круговорот свой ухо втянуть стремится мир?
Зачем вдыхают ноздри ужас, раскрывшись и дрожа?
Зачем горящий отрок связан столь нежною уздой?
Зачем завеса тонкой плоти над логовом страстей?..»

Тэль с криком ринулась оттуда — и в сумраке, никем
Не остановлена, достигла долин цветущих Гар.

Из книги

«БРАКОСОЧЕТАНИЕ НЕБА И АДА»

1793

Ринтра ревет, потрясая огнями
В обремененном воздухе.
Тучи голодные носятся низко
Над бездной.

Некогда, кроток душой,
По опасной тропе
Праведный шел человек,
Пробираясь долиною смерти.

Розы цветут,
Где недавно росли только тернии,
И над степным пустырем
Поют медоносные пчелы.

Так над бездной тропа расцвела,
И река и ручей
На скалу, и на камень могильный,
И на белые груды костей
Влажной, красной земли нанесли.

И тогда отказался злодей
От привычных тропинок покоя,
Чтоб ходить по опасной тропе
И того, кто кроток душою,
Выгнать снова в бесплодные степи.

И теперь перед нами змея
Выступает в невинном смирении,
А праведный человек
Буйным гневом бушует в пустыне,
Там, где ночью охотятся львы.

Ринтра ревет, потрясая огнями
В обремененном воздухе.
Тучи голодные носятся низко
Над бездной.

МИЛЬТОН

Три отрывка из поэмы

1804—1808

I

На этот горный склон крутой
Ступала ль ангела нога?
И знал ли агнец наш святой
Зеленой Англии луга?

Светил ли сквозь туман и дым
Нам лик господний с вышины?
И был ли здесь Ерусалим
Меж темных фабрик сатаны?

Где верный меч, копье и щит,
Где стрелы молний для меня?
Пусть туча грозная примчит
Мне колесницу из огня.

Мой дух в борьбе несокрушим,
Незримый меч всегда со мной.
Мы возведем Ерусалим
В зеленой Англии родной.

II

Ты слышишь, первый соловей заводит песнь весны —
Меж тем как жаворонок ранний на земляной постели
Сидит, прислушиваясь молча, едва забрезжит свет.
Но скоро, выпорхнув из моря волнующейся ржи,
Ведет он хор веселый дня —
Трель-трель, трель-трель, трель-трель, —
Взвиваясь ввысь на крыльях света —
в безмерное пространство.

И звуки эхом отдаются, стократ отражены
Небесной раковиной синей. А маленькое горло
Работает, не уставая, и каждое перо
На горле, на груди, на крыльях трепещет от прилива
Божественного тока. Вся природа,
Умолкнув, слушает. И солнце на гребне дальних гор

Остановилось и глядит на маленькую птичку
Глазами страха, удивленья, смиренья и любви.
Но вот из-под зеленой кровли свой голос подают
Все пробудившиеся птицы дневные — черный дрозд,
Малиновка и коноплянка, щегол и королек —
И будят солнце на вершине от сладостного сна.
А там уж снова соловей зальется щедрой трелью,
Защелкает на все лады с заката до утра.
И всюду — в рощах и полях — с любовью, с изумленьем
Перед гармонией его умолкнет птичий хор.

III

Ты замечаешь, что цветы льют запах драгоценный.
Но непонятно, как из центра столь малого кружка
Исходит столько аромата. Должно быть, мы забыли,
Что в этом центре — бесконечность, чьи тайные врата
Хранит невидимая стража бессменно день и ночь.

Едва рассвет забрезжит, радость всю душу распахнет
Благоухающую. Радость до слез. Потом их солнце
До капли высушит.

Сперва тимьян и кашка
Пушистая качнутся и, вспорхнув
На воздух, начинают танец для
И будят жимолость, что спит, объемя дуб.

Вся красота земли, развев по ветру флаги,
Ликует. И, глаза бесчисленные раскрыв,
Боярышник дрожит, прислушиваясь к пляске,
А роза спит еще. Ее будить не смеет
Никто до той поры, пока она сама,
Расторгнув пред собой пурпурный полог,
Не выйдет в царственном величье красоты.
Тогда уж все цветы — гвоздика, и жасмин,
И лилия в тиши — свое раскроют небо.
Любое дерево, любой цветок, трава
Наполнят воздух весь разнообразной пляской.
Но всё же в лад, в порядке строгом. Люди
Больны любовью...

А Ф О Р И З М Ы

Из «ПОСЛОВИЦ АДА»

1793

В пору посева учись, в пору жатвы учи, зимою пользуйся плодами.

Расчетливость — богатая и безобразная старая дева, за которой волочится бессилне.

Тот, кто желает, но не действует, плодит чуму.

Разрезанный червь прощает свою гибель плугу.

Погрузи в реку того, кто любит воду.

**Дурак видит не то самое дерево, что видит
мудрый.**

**Тот, чье лицо не излучает света, никогда не
будет звездой.**

Вечность влюблена в творения времени.

У занятой пчелы нет времени для скорби.

**Время безумия может быть измерено часами,
но время мудрости никаким часам не измерить.**

**Всякая здоровая пища добывается без сети и
западни.**

Вспомни число, вес и меру в голодный год.

**Высший поступок — поставить другого впереди
себя.**

Если бы дурак был настойчив и последователен в своей глупости, он стал бы мудрым.

Глупость — мантия плутовства.

Стыд — мантия гордости.

Тюрьмы построены из камней закона, публичные дома — из кирпичей религии.

Гордость кавалиера — слава божия.

Похоть козла — щедрость божия.

Гнев льва — мудрость божия.

Нагота женщины — дело рук божьих.

Избыток скорби смеется. Избыток радости плачет.

Львиный рык, волчий вой, рез бушующего моря и разрушительный меч — частицы вечности, слишком великие для человеческого глаза.

Лисица винит западню, а не себя.

Радости оплодотворяют. Скорби рожают.

Пусть мужчина носит львиную шкуру, женщина — овечье руно.

Птице — гнездо, пауку — паутина, человеку — дружба.

То, что ныне доказано, некогда только воображалось.

Крыса, мышь, лисица, кролик следят за корнями; лев, тигр, конь, слон — за плодами.

Водоем содержит; фонтан переполняет.

Одна мысль заполняет бесконечность.

Всегда будь готов высказать, что у тебя на уме, и негодяй будет избегать тебя.

Все, во что можно поверить, — подобие истины.

Орел никогда не терял понапрасну так много времени, как тогда, когда согласился учиться у вороны.

Лисица промышляет для себя сама, но бог споспешествует льву.

Думай утром. Действуй в полдень. Ешь вечером. Спи ночью.

Тот, кто позволил вам обмануть себя, знает вас.

Тигры гнева мудрее, чем клячи наставления.

Жди яда от стоячей воды!

Ты никогда не будешь знать достаточно, если не будешь знать больше, чем достаточно.

Прислушайся к упреку дурака! Это для тебя королевский титул.

Глаза огня, ноздри воздуха, уста воды, борода земли.

Слабый храбростью силен хитростью.

Яблоня не спрашивает у бука, как ей расти, лев у коня — как ему охотиться.

Благодарный пожинает богатый урожай.

Если бы другие не были дураками, мы были бы ими.

Душа чистого наслаждения никогда не может быть загрязнена.

Когда ты видишь орла, ты видишь частицу гения. Подыми голову!

Как гусеница кладет яйца на лучшие листья, так священник налагает проклятие на лучшие радости жизни.

Создание маленького цветка — работа веков.

Проклятие бодрит, благословенке расслабляет.

Лучшее вино — старое, лучшая вода — свежая.

Молитвой не пашут, хвалою не жнут.

Радости не смеются, печали не плачут.

Голова — возвышенное, сердце — пафос, половая сфера — красота, руки, ноги — пропорции.

Что воздух птице, что вода рыбе, то презрение — презренному.

Ворона хотела бы, чтоб все на свете было черным, сова — чтобы все было белым.

Если бы лев слушался совета лисы, он был бы хитрым.

Усовершенствование создает прямые дороги, по кривые дороги без усовершенствования есть дороги гения.

**Лучше убить ребенка в колыбели, чем питать
неосуществленные желания.**

Где нет человека, природа бесплодна.

**Истину нельзя рассказать так, чтобы ее по-
няли; надо, чтобы в нее поверили.**

Довольно! — или слишком много.

Из «ПРОРИЦАНИЙ НЕВИННОСТИ»

1803

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.

Если птица в клетке тесной —
Меркнет в гнев свод небесный.

Мною переведена большая часть двустиший Вильяма Блейка, озаглавленных «Прорицания Невинности». Точный порядок их не установлен. В разных английских изданиях они печатаются в различной последовательности. Это дает и мне право расположить их в том порядке, который представляется мне наиболее естественным и разумным.

С. М.

Ад колеблется, доколе
Стонут голуби в неволе

Дому жребий безысходный
Предвещает нес голодный.

Конь, упав в изнеможенье,
О кровавом молит мщенье.

Заяц, пулей изувечен,
Мучит душу человечью.

Мальчик жаворонка ранит —
Ангел петь в раю не станет.

Петух бойцовый на дворе
Пугает солнце на заре.

Львиный гнев и волчья злоба
Вызывают тень из гроба.

Лань, живущая на воле,
Нас хранит от скорбной доли.

Путь летучей мыши серой —
Путь души, лишенной веры.

Крик совы в ночных лесах
Выдает безверья страх.

Кто глаз вола наполнил кровью,
Вовек не встретится с любовью.

Злой комар напев свой летний
С каплей яда взял у сплетни.

Гад, шипя из-под пяты,
Брызжет ядом клеветы.

Взгляд художника ревнивый —
Яд пчелы трудолюбивой.

Правда, сказанная злобно,
Лжи отъявленной подобна.

Принца шелк, тряпье бродяги —
Плесень на мешках у скряги.

Радость, скорбь — узора два
В тонких тканях божества.

Можно в скорби проследить
Счастья шелковую нить.

Так всегда велось оно,
Так и быть оно должно.

Радость с грустью пополам
Суждено изведать нам.

Помни это, не забудь —
И пройдешь свой долгий путь.

Дело рук — топор и плуг,
Но рукам не сделать рук.

Всякий знает, что ребенок
Больше, чем набор пеленок.

Та слеза, что наземь канет,
В вечности младенцем станет.

Лай, мычанье, ржанье, вой
Плещут в небо, как прибой.

Зовет к возмездию плач детей
Из-под безжалостных плетей.

Тряпки нищего в отрешья
Рвут небес великолесье.

Солдат с ружьем наперевес
Пугает мирный свод небес.

Медь бедняка дороже злата,
Которым Африка богата.

Грош, вырванный у земледельца,
Дороже всех земель владельца.

А где грабеж — закон и право,
Распродается вся держава.

Смеющимся над детской верой
Сполна воздастся той же мерой.

Кто в детях пробудил сомненья,
Да будет сам добычей тленья.

Кто веру детскую шадит,
Дыханье смерти победит.

Игрушкам детства — свой черед,
А зрелый опыт — поздний плод.

Лукавый спрашивать горазд,
А сам ответа вам не даст.

Отвечая на сомненье,
Сам теряешь разуменье.

Сильнейший яд — в венке лавровом,
Которым Цезарь коронован.

Литая сталь вооруженья —
Людского рода униженья.

Где золотом чистейшей пробы
Украсят плуг, не станет злобы

Там, где в почете честный труд,
Искусства мирные цветут.

Сомненьям хитрого советчика
Ответьте стрекотом кузнечика.

Философия хромая
Рот кривит, не понимая,

Как ей с мерой муравьиной
Сочетать полет орлиный.

Не ждите, что поверит вам
Неверящий своим глазам.

Солнце, знай оно сомненья,
Не светило б и мгновенья.

Не грех, коль вас волнуют страсти,
Но худо быть у них во власти.

Для всей страны равно тлетворны
Публичный дом и дом игорный.

**Крик проститутки в час ночной
Висит проклятьем над страной.**

**Каждый день на белом свете
Где-нибудь рождаются дети.**

**Кто для радости рожден,
Кто на горе осужден.**

**Посредством глаза, а не глазом
Смотреть на мир умеет разум,**

**Потому что смертный глаз
В заблужденье вводит нас.**

**Бог приходит ярким светом
В души к людям, тьмой одетым.**

**Кто же к свету дня привык,
Человечий видит лик.**

Из книги

«ВЕЧНОСУЩЕЕ ЕВАНГЕЛИЕ»

18 18

**Христос, которого я чту,
Враждебен твоему Христу.**

**С горбатым носом твой Христос,
А мой, как я, слегка курнос.**

**Твой — друг всем людям без различья,
А мой слепым читает притчи.**

**Что ты считаешь райским садом,
Я назову крошечным адом.**

Сократ Милстов идеал
Народным бедствием считал.

И был Кайяфа убежден,
Что благодетельствует он.

Мы смотрим в Библию весь день:
Я вижу свет, ты видишь тень.

Уж так ли кроток был Христос?
В чем это видно, — вот вопрос.

Ребенком он покинул дом.
Три дня искали мать с отцом.

Когда ж нашли его, Христос
Слова такие произнес:

— Я вас не знаю. Я рожден
Отцовский выполнить закон.

Когда богатый фарисей,
Явившись втайне от людей,

С Христом советоваться стал,
Христос железом начертал

На сердце у него совет
Родиться сызнова на свет.

Христос был горд, уверен, строг.
Никто купить его не мог.

Он звал хитро, ведя беседу,
— Я духом ниц — за мною следуй!

Вот путь единственный на свете,
Чтоб не попасть корысти в сети.

Предать друзей, любя врагов, —
Нет, не таков завет Христов.

Он проповедовал учтивость,
Смиренье, кротость, но не льстивость.

Он, торжествуя, крест свой нес.
За то и был казнен Христос.

Антихрист — льстивый Иисус —
Мог угодить на всякий вкус:

Не возмущал бы синагог,
Не гнал торговцев за порог

И, кроткий, как ручной осел,
Кайяфы милость бы обрел.

Бог не писал в своей скрижали,
Чтобы себя мы унижали.

Себя унизив самого,
Ты унижаешь божество...

Ведь ты и сам — частица вечности.
Молись своей же человечности.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Жирмунский. Вильям Блейк 5

Из книги

«ПОЭТИЧЕСКИЕ НАБРОСКИ»

1769—1776

Песня	37
Король Гвин	39
Игра в жмурки	45

Из книги

«ПЕСНИ НЕВИННОСТИ» и «ПЕСНИ ОПЫТА»

1789—1794

Из «Песен Невинности»

Вступление	53
Пастух	55
Смеющееся эхо	56

Агнец	59
Черный мальчик	61
Маленький трубачист	63
Заблудившийся мальчик	65
Мальчик найденный	66
Смеющаяся песня	67
Из «Колыбельной песни»	68
Святой четверг	70
Ночь	71
Весна	74
Вечерняя песня	76
Дитя-радость	78
Сон	79
О скорби ближнего	81

Из «Песен Ошита»

Святой четверг (Весенний праздник в Лондоне)	83
Заблудившаяся девочка	85
Муха	88
Тигр	90
Маленький бродяжка	92
Лондон	94
Человеческая абстракция	96
Древо яда	98
Заблудившийся мальчик	100
Школьник	102

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
1793—1811

«Словом высказать нельзя...»	107
Золотая часовня	108

Песня дикого цветка	110
Снег	111
«Разружьте своды церкви мрачной...»	112
Меч и серп	113
Летучая радость	114
Вопрос и ответ	115
Богатство	116
Разговор духовного отца с прихожанином	117
«К восставшей Франции мошенники Европы...»	118
Искательнице успеха	119
«Я слышу зов, неслышный вам...»	120
«Ища тропинку на Закат...»	121
Мэри	122
Хрустальный чертог	125
Длинный Джон Браун и малютка Мэри Белл	127
«Мой ангел, наклонясь над колыбелью...»	129
«Всю жизнь любовью пламенной сгорая...»	130
О благодарности	131
Взгляд Амура	132
«Я встал, когда редела ночь...»	133
«Что оратору нужно? Хороший язык?...»	135
О дружбе	136
«Ты мне нанес, как друг, удар коварный сзади...»	137
Моему хулителю	138
Эпитафия	139

ИЗ «ПРОРОЧЕСКИХ КНИГ»

Т а л ь. 1789	143
Из книги «Бракосочетание Неба и Ада». 1793	
«Ринтра ревет, потрясая огнями своими...»	150

М и л ь т о н. Три отрывка из поэмы. 1804—1808

I. «На этот горный склон крутой...» . . .	152
II. «Ты слышишь, первый соловей заводит песнь весны...»	153
III. «Ты замечаешь, что цветы льют запах драгоценный...»	154

АФОРИЗМЫ

Из «Пословиц Ада». 1793	159
Из «Прорицаний Невинности». 1803.	167
Из книги «Вечносущее Евангелие». 1818	175

ВИЛЬЯМ БЛЕЙК
в переводах С. Маршака
ИЗБРАННОЕ

Редактор

А. Мурик

Художественный редактор

Л. Калитовская

Технический редактор

В. Гриненко

Корректоры

Г. Асланянц
и Г. Бейлинсон

Сдано в набор 6/VII 1965 г.
Подписано в печать 1/XI 1965 г.
Бумага 60×90^{1/32}. 5,75 печ. л.
3,79 уч.-изд. л. + 1 вклейка = 3,83 л.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 407
Цена 29 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Московская типография № 20
Главполиграфпрома
Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати
Москва, 1-й Рижский пер., 2